

БЕДА - МОЛОДОСТЬ. КАТАСТРОФА - СТАРОСТЬ

Валерий Иванович встретил меня непривычно угрюмо.

- Иди, - сказал он сурово, - пропивай со своим дружкой наш НЗ. И повара, Ваську - предателя, не забывай.

Я офигел. Ничем такого приёма ещё пока не заслужил. Что-то здесь было не так.

- А куда идти?

- Куда. В Васькин кунг, вот куда. Они оттуда уже третий день только за добавкой или по нужде вылезают. Эх, мама родная, как хорошо в сезон-то. Ни тебе корреспондентов долбанных, ни бортов с начальниками...

- Что, Валерий Иванович, разбой и грабеж идёт?

- Ну, что-то навряд ли того. - Неохотно признался начальник СП-23.

- Так в чем дело? Вы же здесь царь и бог. Вы капитан. Расстрелять можете...

- Пытался. А он мне вашу красную книжечку в нос сует, «Газета ЦК КПСС», прости Господи. Закатаю, дескать, на Колыму. Какая на хрен Колыма?! Тут до географической макушки Земли пара километров. Колыма! А, иди уже. Не мешайте работать, в бога душу мать.

В кунге Кот учил Ваську-повара песни «Woman in love», получалось плохо у обоих.

- Кот. - Сказал я.

- Молчи, Андрюха. Садись, пой и пей. Можешь наоборот. А вообще-то тебе крупно везет. Я не буду писать ни про эту долбаную льдину. Ни про эту гребаную станцию. И уж ни за что - про этих гангрен, собачек эспэшных. Так что, все это достается тебе одному. Все остается людям...

- Кот. - Сказал я. - Кот. Не иначе тебя на материке Маринка бросила...

Зря я затеял эту тему. Но кто знал. А интуиция, зараза, промолчала на этот раз. С другой стороны - хотела, наверное, как лучше.

- О таком счастье я и не мечтаю, - ответил, наливая, Кот. Повар пристально следил за его рукой. Видимо, недолив преследовал их дружеское собеседование.

- Как же...Эти собачки...Ты же с ними...

Кот насупил брови и выпил. Повар закатился со смеху.

- Вася, - участливо спросил я, - че, белочка началась?

- Хренелочка, - остроумно ответил Вася и вновь начал дико хохотать, - оне...оне...

Кот молчал. Я ждал, пока просмеется этот урод. Сколько раз ел его пригорелую кашу. А менять - накладно. Экспедиция и так уже заканчивалась. Осенью надо было думать.

Наконец он успокоился

- Оне,- он кивнул на Кота, - решили ночью в иглу до ветру прогуляться. Ну и напоролись на медвежонка. А тот только че то сожраши был. Вся морда то есть в кровище. Оне немного струхнули, и в иглу. А обратно когда...

Повар опять покотился.

- Кот, да чего ты...Расскажи сам...

- Да. Кошмар дальше был. Помнишь Ленку, медведицу, в прошлую экспедицию все время здесь ошивалась, на помойке торчала?

- Ну да.

- Так это ее малец был. Вылез по глупости на нашу льдину. Ну и мамаша, естественно, за ним. А за ней – я...из иглы вылез. Вот из таких, в сущности, нелепостей, и состоит жизнь. Согласен?

- Ну, более или менее...Собачки-то чем провинились?

- А тем, что когда я от Ленки бежал, ни одной на горизонте не было. Попрятались, засранки. Вот и холь - лелей их после этого.

- Ладно. Через час борт сядет. Давай, заканчивай.

Всю дорогу с Полюса Кот проспал. И в Черском был уже как огурчик.

Вечером местный народ собрался по праздничному в столовой - Первомай. Нас туда привел Перов, авиаторский начальник. Мы сидели как люди, разговоры всякие светские вели.

- Мой брат, - говорил Кот, - рожден отдельно от меня. Хотя мы родные братья.

- Да. Один его «Белорусский вокзал» чего стоит.

- Нет. Дело не в фильмах. Когда наши ввели 1968 году войска в Чехословакию, он послал на хрен массу самых главных кинорежиссеров Мосфильма. А ведь ему не было еще тридцати...

- Так в чем дело, Кот? Пошли главного редактора, как прилетим, туда же.

- Да это то не штука, - отмахивался Кот, - события, равного по масштабам, нет.

- Ну, еще будет. И не раз.

- Я тоже так думаю, - запивал что-то чем-то Кот.

К концу вечера началась всеобщая махаловка. Дрались все жители арктического поселка Черский, что-то между собой не поделив. К нам из толпы время от времени возвращался командир авиапредприятия Перов, бросал в глотку рюмку, презрительно окатывал нас взглядом подбитых глаз, и возвращался. Делать было нечего.

- А у тебя есть брат? - Спросил Кот.

- Есть. Но у меня младший.

- Тоже в кино?

- Нет. Он стропальщик на заводе в Бодайбо.

- А. – Уважительно сказал Кот. – Ну, пошли...

В общем, мне повезло больше, чем Коту. Просто в детстве я пару лет ходил заниматься в том самом Бодайбо боксом, и славно научился уходить от удара. А в этот раз только это и было нужно. В самом деле, не бить же знакомых до боли летунов неизвестно по какой причине. А Коту, с его теннисом и бассейном, помяли физиономию. Нас выцарапал из толпы начальник милиции Гладышев и увез в отдел. Всем, кто интересовался, он отвечал : «Факс из Москвы. Совещание. Ничего не могу поделывать, корреспонденты поедут со мной».

Пока Гладышев раскладывал на своем сугубо служебном столе строганину, вяленую оленину, пока наливал, Кот спросил меня.

- На каком заводе?

- На заводе у мамы.

- Это как?

- Мама – директор завода по ремонту золотодобывающих драг. А он там стропальщик. Грузы прикручивает перед подъемом, чмо болотное. И запивает все

это портвейном.

- А ты строгий брат. – С уважением сказал Кот. – Прямо как мой Андрюша.

А потом задумчиво добавил : «Интересно, наверное».

Во Внуково он деловито заметил.

- Поедем к Маринке. Твоя-то ведь не знает, когда ты возвращаешься.

- Кот. Не знает. Но я поеду к ней.

- Ну, как знаешь. Тогда отдай мне деньги. Оставь на такси. А я в понедельник на работе верну.

Люда встретила меня как-то напряженно ласково. Она поцеловала меня в лоб. Тут, наконец, я почувствовал что-то неладное.

- Не знаю, уж, как и сказать...

- Ну, говори, как есть...

- Ладно. Короче, приперлась в гости на прошлой неделе Анька Седова.

- Боже мой! Какое событие! Как ты пережила?

Она с интересом посмотрела на меня.

- Да кое как.

- Да что случилось-то?

- А то случилось. Приставала ко мне. Я отбивалась. Ну, а потом...

- Да ты сдурела!

- А что я могла!? К тому же, она прекрасно разбирается в греческой мифологии. А я по ней, если ты не забыл, диссертацию пишу.

- Да. Уважительная причина.

- Но не это главное.

- Боже мой! Ты забеременела от Седовой!

Она еще с большим интересом посмотрела мне в глаза.

- Нет, нет. Просто я уйду к другому. У нас любовь...

Тут я почувствовал, как усталость навалилась на меня. И вот сейчас вспоминаю – мне, в сущности, было уже все равно. Только чтобы сразу.

Я поднялся и пошел к входной двери.

- Ты к Артему?

- А тебе-то что?

- К Артему не ходи. К нему как раз я сейчас уйду.

- Дура. Через неделю ведь назад припрешься.

Она позвонила уже через день.

- Многое кажется странным...

Потом она «совершенно случайно» все же забеременела.

- Дела плохи. Говорят, надо делать кесарево. Уложи меня в Центр материнства к Кулакову.

- Да с какого хрена это я должен делать? Че твой Артем?

- Мой Артем – ничтожество. Кулаков с ним даже разговаривать не стал.

Родилась девочка. Через три месяца они переехали ко мне. А окончательно мы расстались через пять лет. Сейчас у нее бизнес, муж – бывший олимпийский чемпион и, вдобавок, прелестный сын.

Это молодость. Это беда, что это такое было.

Я захожу в дом Актера. Там у Кота офис. Я иду к нему без звонка и спрашиваю : «Ты пойдешь сейчас в ресторан для исключительно пустой и неважной беседы»?

Кот грузно поднимается. Он с вызовом отвечает.

- Если бы я отказался, это означало бы начало старости. А старость – это катастрофа. Идем.